

О РОЛИ ГРАММАТИЧЕСКОГО ПРИМЕРА В ОПИСАНИИ ЯЗЫКА (Некоторые аспекты изучения первых португальских и испанских грамматик)

М. Э. Кистерова

Московский Государственный Университет им. М.В.Ломоносова

Аннотация: Статья посвящена анализу грамматических примеров в ренессансных трудах о языке. В эпоху Возрождения целью грамматики стало не только описание языка и его философский анализ, но и обучение языку, а точнее языковой норме. Пример как иллюстрация и доказательство правил приходит на смену грамматическим комментариям и глоссам, которые были характерны для предыдущей традиции. Его функции изменяются и преумножаются.

Подробное описание грамматического примера позволяет найти новую и, возможно, неожиданную информацию о грамматиках изнутри, не выходя за рамки их собственного текста, а также проследить преемственность грамматических традиций на начальном этапе развития лингвистической науки Нового времени.

Ключевые слова: грамматика, глосса, языковая норма.

Abstract: The article is devoted to the analysis of grammatical examples in Renaissance works about languages. During Renaissance times grammars goal was not only the language description and its philosophical analysis, but also teaching live language, i.e. language norm. Example as the rules illustration and demonstration substitutes grammatical commentaries and glosses which were typical features of the previous tradition. Its functions change and multiply.

The detailed description of grammatical examples allows finding new and sometimes unexpected information about the grammars within their proper text, following at the same time some continuities and discontinuities of traditions at the first stage of the modern linguistics evolution.

Key words: grammar, gloss, language norm.

Данная статья составляет часть общего исследования, посвященного изучению первых грамматик португальского и испанского языков.

Практически любое грамматическое описание языка включает в себя примеры. Причем, как показывает практика, факт привлечения примера не зависит от характера грамматики, ее структуры и общих целей написания — и даже более того, от времени создания той или иной лингвистической работы. В европейской традиции примеры встречаются во всех основных грамматических трудах: начиная от Античности и заканчивая XX веком, современностью. Однако в зависимости от эпохи сильно меняется роль примера. Итак, поскольку пример можно обнаружить очень часто, то само его наличие, вероятно, позволит сказать мало о чем. Но содержание, сложность, принадлежность к той или иной сфере словесности — все эти характеристики уже разнятся от работы к работе и, очевидно, могут нести в себе существенную информацию в контексте отдельно взятого труда и в рамках общего грамматического канона конкретной эпохи.

В Возрождении пример как иллюстрация, доказательство правил приходит на смену грамматическим комментариям (роль которых, по словам К. Персивалья, новая грамматика значительно умалляет [4]) и глоссам предшествующей традиции. Вероятно, это может быть связано с изменением характера грамматики: если ранее в средневековой схоластике и у модистов она была скорее дескриптивной наукой, то теперь грамматика приобретает статус прескриптивной дисциплины, целью которой становится описание нормы языка и обучение ей [3]. Как следствие, наука грамматики постепенно переходит от аксиоматической системы к эмпирической [10].

Предмет и задачи исследования. В данной статье мы хотели бы остановиться на подробном анализе примеров в первых грамматиках португальского и испанского языков. Задача нашего небольшого исследования — анализ грамматических примеров в описаниях частей речи.

Еще Квинтилиан — безусловный авторитет ренессансных грамматик, разделял грамматику на два больших раздела: *recte loquendi scientiam et poetarum enarrationem*. Грамматики Возрождения придерживались такого деления, но постепенно большее внимание они уделяют практической части (*recte loquendi scientiam*) — подготовке к чтению и письму [3].

На данном этапе мы не будем рассматривать поэтическую часть грамматики, разделы о фонетике и лексике, а остановимся на описании частей речи. Во-первых, даже при самом поверхностном взгляде на грамматику очевидна разница между примерами в зависимости от раздела. Следовательно, каждый раздел требует отдельного рассмотрения. В описаниях фигур речи, безусловно, встречается множество поэтических цитат¹. В фонетике приводятся целые ряды звуков, слогов и слов². И, во-вторых, в нашем случае речь пойдет о частях речи, так как именно определение состава частей речи можно считать началом любого грамматического описания языка. Классификация слов привнесет системность в грамматику данного языка, что облегчает описание самого языка и его грамматических категорий³. Следовательно, части речи составляют основные элементы описания грамматического строя языка, вне зависимости от подхода и выбранной стратегии описания.

В нашем анализе мы остановились на трех работах: António de Nebrija *Gramática de la lengua Castellana*, 1492; Ferão de Oliveira *Gramática da Linguagem portuguesa*, 1536; João de Barros *Gramática da Língua Portuguesa*, 1540. Три перечисленных труда можно считать примерами пиренейской ветви Новой грамматической школы. Они были первыми грамматическими описаниями, составленными на народных языках и имевшими своим объектом народный язык. Эта школа в некоторой мере повлияла на становление так называемой «новой» лингвистической традиции, зародившейся в эпоху Ренессанса и в процессе эволюции дошедшей до наших дней [6; 14; 17, 9—23; 18, 18]. Как известно, «золотые века» Возрождения называют временем рассвета народных языков и переломным этапом в ходе развития научной мысли вообще [9; 11; 12; 13; 15]. По мнению Персиваля, грамматики испанского и португальского языков, наряду с итальянскими и французскими, вошли в южную традицию ренессансных учений о языке,

¹ См., например: António de Nebrija *Gramática de la lengua Castellana*, edición crítica de Antonio Quilis, Madrid, 1992, p. 143.

² См., например: Ferão de Oliveira *Gramática da Linguagem portuguesa* (1536), edição crítica, semidiplomática e anastática por Amadeu Torres e Carlos Assunção, Lisboa, 2000, p. 90—117.

³ См. Адмони В. Г. Основы теории грамматики. М., 2004. Стеблин-Каменский М. И. К вопросу о частях речи // Стеблин-Каменский М. И. Спорное в языкознании. Л., 1974. С. 19—34. Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М., 1974. С. 77—100. Серебренников Б. А. Части речи // Ярцева В. Н. Языкознание. М., Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 578—579

в то время как Германия и Северная Франция развивались по «северному» образцу [5].

В выбранных нами трудах примеры очень часто носят скорее бессистемный характер: некоторые положения подкрепляются примерами, иные — нет. Возможно, это связано с тем, что грамматики были первыми работами о народных языках, и они представляют собой этап становления новой европейской лингвистической традиции, который характеризуется колебаниями в методах и канонах описания языка. Однако вполне вероятно, что именно такая вариативность и неорганизованность позволят внимательному читателю извлечь много полезной информации о самом авторе и о его работе.

Анализ грамматических примеров. В избранных для анализа грамматиках мы встречаем примеры, которые так или иначе связаны с античной лингвистической традицией. Во-первых, это упоминание в примерах героев античной литературы и истории, или имен классических авторов. Так, у Барруша встречаем примеры:

[H]eitor foi esforçado cavaleiro [1, 305]; Bem prudente e sagazmente se [h]ouveram os Romanos contra os Cartaginenses [1, 354]; Alexandre e César e Hanibál e Pompéo e Pirro foram grandes capitães; Dos filósofos, Sócrates ou Platão ou Aristóteles, não sei qual diz que a verdade, acerca dos ómens tem dous rostros: com um ós alegre e com outro ós entristeçe [1, 356].

У Небрихи: имена *Sócrates, hijo de Sophronisco, Platón Atheniense [7, 90]; leyendo el Virgilio aprovecho [7, 119]; alguno ha oído el Oracio [7, 124].*

В грамматиках народных языков уже нет прямых заимствований примеров из Античности, как это было в грамматиках латинского языка эпохи Возрождения. Вероятно, авторы осознают самоценность своего родного языка, и в этом заключается новизна первых грамматик. Наряду с отдельными текстами о восхвалении народных языков⁴ и вставками на эту тему в текстах грамматик, идея престижа присутствует и в самих примерах — отказ от латинских образцов явился плодом долгого процесса самоутверждения народных языков⁵. Так, например, у Барруша в

⁴ См., например: Joro de Barros «Diálogo em louvor da nossa linguagem», Barros, *Joro de, Gramática da lingua portuguesa*, reprodução facsimilada, leitura, introdução e anotações por Maria Leonor Carvalho Buescu, Lisboa, 1971.

⁵ Говоря о ссылках на авторитетных античных авторов, мы не можем не отметить вклад итальянского гуманиста Лоренцо Валлы в традицию лингвистических описаний, и в частности, его внимание к примерам и цитатам из классических литературных текстов. Подробнее об этом см., напри-

главе об отглагольных существительных (*Dos nomes vêrbaes*) встречаем ссылку на латинский язык Персия как образец того, чему не следует подражать в португальском языке:

E per este soprimos muitos nomes que desfalecem em nôssa linguágem e a latina tem: o quál módo também os Latinos usáram como quando disse Pérsio: Depois qie oulhei o nôsso triste viver — como se disséra: a nôssa triste vida [1, 306].

Примечательно, что часто грамматики ссылаются на одних и тех же авторов. У Небрихи есть этот же пример из Персия:

y como dixo Persio: Después que miré este nuestro triste bivar, por dezir esta nuestra triste vida [7, 102].

В этом случае часто возникают споры о лингвистическом плагиате, так как одни и те же примеры используются у разных для демонстрации тех или иных теоретических положений. Однако, как показывает современная традиция учебных грамматических описаний, подобрать удачный пример далеко не просто. Возможно, именно это послужило причиной заимствования лингвистического материала и в ренессансных грамматиках⁶.

Если в теоретическом описании авторы часто ссылаются на латинские образцы лингвистической мысли или на произведения классических античных авторов, то в практическо-дидактической части мы встречаем намного больше указаний на современную традицию — демонстрация правила, пример, подкрепляется реальным языковым материалом. Здесь очевидно работает принцип, о котором уже в XX веке писал П.С. Кузнецов: «Вполне же точное и адекватное действительности описание может быть дано лишь на основании непосредственного исследования материала» [16, 14]. Граматики иллюстрируют грамматические правила, прибегая к произведениям известных авторов, которые и в наши дни остаются заметными фигурами той эпохи. Так, Небриха приводит пример словоупотребления у своего современника, драматурга Гомеса Манрике:

i Gymez Manrique: Pues este negro morir, por dezir pues esta negra muerte [7, 26].

Оливейра в главе о глаголах упоминает

мер: Keith Percival W. «Lorenzo Valla and the Criterion of Exemplary Usage», *Res Publica Litterarum*, Studies in the Classical Tradition 19, 1996, P. 133—152.

⁶ Тем не менее, в данном случае мы имеем дело с заимствованием латинской цитаты, а не «живого языкового» примера как такового. Следовательно, споры о так называемом плагиате можно считать вполне оправданными.

почтенного Барруша, как автора одного из вариантов написания личной формы глагола *ser*: *No parecer da premeira pronunciação com o e m, que diz som, é o mui nobre Jão de Barros; e a rezão que dá por si é esta: que de som mais perto vem a formação do seu plural, o qual diz somos* [8, 150]. Оливейра также приводит пример из Гарсиа де Резенде — известного португальского гуманиста [8, 146].

Итак, грамматики цитируют в примерах и своих современников, таким образом демонстрируя на языковом материале то или иное положение. В результате таких ссылок на другие имена грамматический пример расширяет для современного читателя свое экстралингвистическое содержание. Такую же функцию выполняют примеры, которые не являются цитатой и составлены непосредственно автором грамматики, с упоминанием того или иного исторического деятеля или факта из повседневной жизни. У Оливейры в объяснении падежей как состояния вещей встречаются 2 фразы-примера: *porque hum estado tem este nome homem quando faz, dizendo o homem senhoreia o mundo; e outro estado mui diverso do primeiro tem quando padece, dizendo Deos castiga o homem* [8, 149]. Возможно, в противопоставлении этих двух предложений можно найти не только грамматическое объяснение активного и пассивного состояния имени, но и пример мысли человека эпохи Возрождения, который осознавал антропоцентрическое строение Вселенной, но при этом не забывал о существовании Бога.

Как продолжение мысли о том, что человек господствует в этом мире, у всех трех авторов находим свидетельства славы португальских и испанских первооткрывателей. Они восхваляют свои родные земли, упоминают имена великих мореплавателей, противопоставляют свой язык языку народов завоеванных территорий. Барруш в главе о собственных и общих именах приводит в пример имя Васко да Гама [1, 300], в главе «*Dos nomes irreguláres*» для демонстрации нерегулярного образования множественного числа существительных он приводит пример, в котором описывает и прославляет свои родные португальские земли: *Eu andei muitas térras e nunca vi tam bõa fruta como ã do termo de Lisboa. ... As ãgoas d[e] Antre Douro e Minho sam mui delgádas e os áres de lá sam mui sádios; e è terra tam povoáda, que dizem [h]aver nela máis de setenta milo fõgos* [1, 310]. Небриха сопровождает объяснение согласования имен фразой, которая представляет собой описание

раба-негра: *io comprè un negro, crespo los cabellos, blanco los dientes, hinchado los beços*' [7, 140]. У Барруша встречаем сравнение правильного португальского языка с неверным согласованием в языке негров: *E nam diremos hómtem boa, cá desfaléçe a natural órdem da construíçám per que nos [h]avemos de entender e parecerá máis fála de negros que de bom português* [1, 350].

Еще один пример отражения культурно-исторического контекста непосредственно в нормативно-дидактической части грамматики мы можем обнаружить в упоминаниях принцев и королей или обращении к ним. Свои лингвистические труды Оливейра, Барруш и Небриха посвящали лицам королевского двора (Оливейра посвятил свою грамматику благородному идалго Фернандо д'Алмада; Барруш — сеньору принцу; Небриха — достопочтенной принцессе доне Изабель).

Иногда иллюстрация лингвистического материала у грамматиков содержит дидактические наставления читателю. Нравственная и религиозная мораль, с одной стороны, усиливает общий нормативный и прескриптивный характер грамматики, а с другой — демонстрирует процесс обособления грамматики как науки. В эпоху Ренессанса грамматика вырастает в самостоятельную дисциплину, все больше отдаляясь от наук тривиума — риторики и диалектики (третьей наукой была грамматика). При этом расширяются и ее цели: теперь она служит не только для интерпретации священного писания.

Рассмотрим несколько таких примеров нравственно-религиозного содержания:

Deos castiga o homem. [8, 149] o ler faz bem aos homens; marido e molher ambos são bos homens. [8, 153]

A cobiça é raiz de todos máles [1, 311].

Amo a virtude, avorreço o vício, leo os livros, aprendo ciência, ouço gramática e ganho honra [1, 352].

obedezco a la Iglesia; sirvo a Dios; emezco a los enemigos; agrado a los amigos [7, 137].

si tú amasses a Dios, Él te amaría [7, 114].

А теперь мы бы хотели обратиться к грамматическому примеру с точки зрения его теоретического содержания. Для этого возьмем отрывки текста, которые бы иллюстрировали одно и то же или сходное грамматическое понятие, и проанализируем их. Мы решили остановиться на описании глагола в трех избранных для исследования работах. Глагол и имя представляли собой для грамматика того времени центр системы языка, при этом глаголу

чаще отводилась главная роль (ср. глагол в качестве шахматной фигуры короля у Барруша [1, 324], невозможность образования смысла из других частей речи без глагола [7, 113]). Рассмотрим, как авторы иллюстрируют и объясняют времена глагола.

Los tiempos son cinco: presente, pasado no acabado, pasado acabado, pasado más que acabado, venidero. Presente tiempo se llama aquél en el cual alguna cosa se haze agora, como diciendo io amo. Pasado no acabado se llama en el cual alguna cosa se hazía, como diciendo io amava. Pasado acabado es aquél en el cual alguna cosa se hizo, como diciendo io amé. Pasado más que acabado es aquél en el cual alguna cosa se avii hecho, cuando algo se hizo, como io te avía amado, cuando tú me amaste. Venidero se llama en el cual alguna cosa se a de hazer, como diciendo io amaré [7, 114].

У Небрихи каждый комментарий представляет собой объяснение семантики времени, причем временная грамматическая форма глагола в объяснении совпадает с формой в примере. Таким образом, грамматическое понятие описывается теми же категориями, которые оно иллюстрирует. Правила образования временных форм не приводятся: о них речь пойдет ниже. Полные парадигмы читателю предлагаются в пятой книге грамматики, которая посвящается иностранцам как введение в курс кастильского языка [7, 171].

Барруш выделяет в португальском языке пять глагольных времен, ссылаясь на латинскую традицию:

Presente chamamos aquele em o quá fazemos alguma óbra presente. Exemplo: Eu amo, per onde demóystro que neste tempo presente faço ésta óbra de amor.

Passádo por acabár é aquele per que móstro em outro tempo fazer alguma cousa, como quando digo: Eu amáva.

Passádo acabádo, como quando dissér: Eu amei.

Passádo máis que acabádo, como: Eu amára ou, soprindo per rodeo, dizendo: Eu tinha amádo, per o quá rodeo demostramos ter dádo fim à óbra.

Tempo vindoiro é aquele em o qual se [h]á-de fazer alguma óbra, como se dissér: Eu amarei. [1, 329]

По сравнению с Небрихой, у Барруша примеру отводится бо́льшая роль, так как сами объяснения грамматического времени либо вовсе отсутствуют (ср. *Passádo acabádo*), либо описываются глаголь-

ными формами одного и того же времени — presente (включая перифрастические аспектуальные конструкции — ср. *tempo vindouiro*).

Оливейра отводит глаголу две небольшие главы (параграфа)[8, 150-151]. Как известно, оригинальность и заслуга его работы заключаются в фонетическом и лексикологическом разделах, которые, впрочем, и составляют основной текст грамматики. Итак, глагольные времена с примерами лишь упоминаются в главе о глаголе:

... e cada modo tem seus tempos, como falo, falava, falei e falarei; e cada tempo seus numeros, como falo e falamos, falas e falaes, fala e falam... [8, 151]

Как видим, описание не отличается полнотой. Однако сам автор заявляет, что подробнее о глаголе он будет говорить в другой книге (которая, к сожалению, так и не была написана или же не сохранилась) [8, 150].

Отметим, что все выбранные нами примеры составлены из обывденной лексики, и, несмотря на всю их простоту, все же являются авторскими. Вообще, в данных работах все еще встречаются примеры-цитаты, но их уже можно считать не показательной иллюстрацией прямой ссылки на авторитеты в литературе, а скорее остаточным явлением. Большую часть примеров отныне составляют авторские слова и предложения на народном языке.

Выводы. Представленный разбор избранного материала грамматик позволяет нам сделать некоторые выводы о роли грамматического примера.

Подтверждение правила иллюстрацией на языковом материале, безусловно, свидетельствует о ярко выраженной дидактической направленности данных работ. Само количество примеров говорит о стремлении авторов привлечь внимание читателя не только к абстрактной теории, но и к практике.

Лексическое содержание примеров в основном представлено обывденной речью. Это можно считать обоснованием престижа народного языка. Теперь латинские образцы уступают место живому языку.

Между тем, наличие в примерах античных имен и цитат из латинской литературы свидетельствует о том, что латынь и культура античности сохраняли свой высокий статус, что было особенно характерно для Пиренейского полуострова⁷.

Многие примеры представляют собой не толь-

⁷ После Реконксты латынь как атрибут Римской Империи помогала утвердить могущество страны. Подробнее об этом см., например: Briesemeister D. «Portugiesisch und Lateinisch Humanismus und Sprachbewusstsein in Portugal im 15. und 16. Jahrhundert», *Romanistik in Geschichte und Gegenwart*, Hamburg, 1998, p. 29—41.

ко лингвистический материал, но также содержат экстра-лингвистическую информацию. Именно из них мы узнаем об эпохе в целом и о культурно-историческом контексте Португалии и Испании.

Религиозная мораль и цитаты из Священного Писания рассказывают нам об эволюции Грамматики как науки: ранее Грамматика была частью философии и основной ее функцией была интерпретация текста Библии. В эпоху Ренессанса она обособилась в отдельную дисциплину, однако происходило это не сразу и какое-то время прошлое давало о себе знать.

Пословицы и нравственные сентенции придают грамматическому описанию еще больший дидактизм. Впоследствии, после развития книгопечатания, нормативная функция грамматики будет усиливаться.

И в заключение снова отметим, что примеры в целом не имеют четкой организации и системы и буквально разбросаны по всему тексту грамматики. Тем не менее, мы позволим себе вновь прибегнуть к цитате из П.С. Кузнецова и согласимся с его словами: «Даже несовершенные описания обычно в какой-то мере отражают то, что есть в языке, и бывает, что, внося в них определенные коррективы, можно создать более точную картину строя языка» [16, 14].

В дальнейшем в рамках подробного изучения практическо-дидактического аспекта грамматик мы предполагаем более детально описать теоретическое содержание примера и грамматических категорий, которые в нем используются и которыми это содержание объясняется.

В итоге, полное описание грамматического примера позволит найти новую и, возможно, неожиданную информацию о грамматиках изнутри, не выходя за рамки их собственного текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Barros, João de *Gramática da lingua portuguesa*, reprodução facsimilada, leitura, introdução e anotações por Maria Leonor Carvalhão Buescu, Lisboa, 1971.

2. Briesemeister D. Portugiesisch und Lateinisch Humanismus und Sprachbewusstsein in Portugal im 15. und 16. Jahrhundert, *Romanistik in Geschichte und Gegenwart*, Hamburg, 1998, сс. 29—41

3. Keith Percival W. «Grammar and Rhetoric in the Renaissance», *Renaissance Eloquence: Studies in the Theory and Practice of Renaissance Rhetoric*, ed. James J. Murphy, Berkeley, CA: University of California Press, 1983, p.303—330

4. Keith Percival W. «Renaissance Grammar», *Renaissance Humanism: Foundations, Forms, and Legacy, vol.3: Humanism and the Disciplines*, ed. Albert Rabil,

- Jr., Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1988. P. 67—83
5. Keith Percival W. «The Grammatical Tradition and the Rise of the Vernaculars,» *Current Trends in Linguistics*, ed. Thomas A. Sebeok, vol. 13: *Historiography of Linguistics*, The Hague: Mouton, 1975. P. 321—275
6. Kossarik, Marina A. «A obra de Amaro de Roboredo», *Amaro de Roboredo, Methodo Grammatical para todas as Linguas*, edição de Marina A. Kossarik, Lisboa, 2002. P. 7—63.
7. Nebrija, António de *Gramática de la lengua Castellana*, edición crítica de Antonio Quilis, Madrid, 1992.
8. Oliveira, Fernão de *Gramática da Linguagem portuguesa* (1536), edição crítica, semidiplomática e anastática por Amadeu Torres e Carlos Assunção, Lisboa, 2000.
9. Padley, G. A. *Grammatical Theory in Western Europe 1500—1700*, Cambridge University Press, 1976
10. Robins R. H. «Some Continuities and Discontinuities in the History of Linguistics», *History of Linguistic Thought and Contemporary Linguistics*, ed. Walter de Gruyter, Berlin, New York, 1976, P.13—31.
11. Robins R. H. *A Short History of Linguistics*, Longman, London and New York, Second Edition 1979
12. Алтатов В. М. История лингвистических учений. М., 1999.
13. Амирова Т. А. История языкознания: учеб. Пособие для студ. высш. учеб. заведений / Т. А. Амирова, Б. А. Ольховиков, Ю. В. Рождественский; под ред. С. Ф. Гончаренко. — М.: Издательский центр «Академия», 2006.
14. Кистерева М. Э. Первые грамматики португальского языка // *Проблема текста в гуманитарных исследованиях* — Материалы научной конференции 16—17 июня 2006 года. М., 2006, С. 75—77
15. Косиков Г. К. Средние века и Ренессанс. Теоретические проблемы // *Методологические проблемы филологических наук*, М., 1987
16. Кузнецов П. С. О принципах изучения грамматики. Изд. 2-е, испр. — М.: Едиториал УРСС, 2003.
17. Раевская М. М. Испанское языковое сознание Золотого века (XVI—XVII вв.) — М.: КомКнига, 2006.
18. Сулимова Н. Г. История развития испанской грамматической мысли (XV—XIX вв.): Материалы к курсу лекций: Уч. пособие. — М.: МАКС Пресс, 2005. — 332 с.